

М. М. КАЗАКОВ

У ИСТОКОВ ВЕЛИКОГО ЦЕРКОВНОГО РАСКОЛА (ЭПИЗОД ОТНОШЕНИЙ РИМА И КОНСТАНТИНОПОЛЯ В IV в.)

Великий церковный раскол, разделивший христианство на православие и католичество в 1054 г., не являлся единовременным событием. Дивергенция западного и восточного христианства была предопределена изначально несовпадением социально-исторических и культурно-идеологических условий Средиземноморского мира. И хотя этот мир оказался объединенным в рамках единой Римской империи, что было важнейшей предпосылкой превращения христианства в мировую религию, Рим сам же и ускорял процесс разделения этого мира после кризиса III в., когда стала очевидной невозможность сохранения единства огромного государства.

Политические условия создавали вполне определенный фон для христианизации, развернувшейся после Миланского эдикта 313 г. По своей административно-территориальной и даже внутренней структуре церковная организация подстраивалась к структуре государственной и стремилась органично вписаться в Римскую империю.

Разумеется, в условиях отсутствия политического единства крайне сложно было добиться единства религиозного. Тем более что христианизация сопровождалась острейшей религиозно-политической борьбой.

Наличие прочной материальной базы в отдельных церковных округах, распространение церковной власти епископов на значительные территории, большое количество членов клира, находящихся в подчинении у епископа и заинтересованных в усилении его влияния, новое положение церковной вла-

сти по отношению к светской власти — все это создавало почву для появления в IV в. церковно-политических группировок, стремящихся распространить свое влияние на целые регионы римского мира и претендующих на роль лидеров в определении направлений религиозной политики Римской империи.

Ярким примером самого крупномасштабного религиозно-политического соперничества явилась церковная борьба между Римом и Константинополем, которая началась в IV в. и закончилась разделением церквей. Один из эпизодов такого соперничества в конце IV в. представляет интерес ввиду того, что в нем можно увидеть истоки Великого церковного раскола XI в.

В ходе догматических баталий середины IV в., связанных с арианством, отношения между восточными и западными церквями фактически оказались разорванными. Попытку восстановления церковного мира в масштабах всей империи предпринял Василий Великий, усилиями которого в 379 г. общение между Востоком и Западом было на некоторое время восстановлено. То, что инициатива в этом принадлежала Востоку, было вызвано бесконечными раздорами, раздиравшими восточные церкви, в то время как Запад являл собой относительное церковное единство. Тем не менее, восточные церкви вскоре сумели доказать свою жизнеспособность и самостоятельность. Большая заслуга в приведении церкви к единству принадлежала императору Феодосию, который лично приложил усилия для наведения порядка в восточных церквях, стремясь покончить с разногласиями в них не через Запад, а через православную силу Востока.

В мае - июне 381г. состоялся знаменитый Константинопольский собор. По своему составу он был исключительно восточным, и многие западные церковные иерархи вообще не знали о его созыве. Главной причиной того, что Восток фактически проигнорировал Запад, было стремление восточных церквей к самостоятельности и независимости от Рима, и главным итогом этого собора в тот исторический момент явилось достижение определенного единства в восточных церквях. Значение Вселенского этот собор приобрел лишь по прошествии определенного времени.

На Западе примерно в одно время с Константинопольским собором был созван Аквилейский собор, который тоже был задуман как вселенский, но оказался собором только западных епископов. Аквилейский собор не касался фундаментальных основ христианского вероучения и ограничился частными проблемами, поэтому и значение его оказалось весьма ограниченным. При этом западные епископы почувствовали себя оскорбленными тем, что их не пригласили на собор в Константинополь, тем более что этот собор уже тогда претендовал на роль вселенского в силу важного дополнения никейского символа веры. А заявка восточных церквей на самостоятельность и независимость вызвала на Западе серьезную обеспокоенность.

Взаимоотношения западных и восточных церквей в этот период иллюстрируют одно из писем Аквилейского собора и 2 письма западных к Феодосию.

Больше половины письма, адресованного императорам Грациану, Валентиниану 51 и Феодосию от имени участников Аквилейского собора (Ambrosius. Ep. 12), посвящено разногласиям «между самими католиками» по вопросу о церковной общности с епископом Александрийской церкви Тимофеем и епископом Антиохийской церкви Павлином. Участники Аквилейского собора настойчиво просили императоров созвать собор всех ортодоксальных священников Александрии с тем, чтобы обсудить этот вопрос о церковном общении. Свое обращение за помощью к императорам они мотивировали тем, что вражеское вторжение и расстройство государства являются препятствием для направления своих представителей в качестве посредников для восстановления мира.

Внешне просьба западных епископов к императорам выглядит весьма пристойно и может быть истолкована как действительное желание мира в церкви. Однако западные епископы скрывают за красивыми фразами свою истинную цель - претензию на приоритет Запада над Востоком в решении церковных вопросов. По словам В. В. Болотова, западные епископы «имели слабость держать себя с проконсульской важностью в отношении к востоку», и это отношение проступило более явственно в письме, адресованном непосредственно к императору Феодосию.

Это письмо констатирует тот факт, что для церкви легче было выгнать еретиков, чем найти согласие между католиками (Ambrosius. Ep. 13). Западные епископы сетуют, что восточные поступили вопреки их мнению, изложенному в предыдущем письме. В письме осуждается и избрание во время Второго Вселенского собора на пост главы Константинопольской церкви Нektария. Далее западные вступаются за епископа Александрийской церкви Максима, который был лишен общения с восточными церквями за махинации и обман, но сумел завоевать доверие западных епископов.

Своим письмом западные епископы пытаются оказать давление на Феодосия с тем, чтобы он способствовал принятию угодных Западу мер «на пользу общему миру и согласию». Они называют свой собор всеобщим и говорят о Константинопольском соборе как о собрании тех, кто отклонил их всеобщий собор, замечая, что он не был провозглашен законным образом и по обычаю предков, так как епископы Востока не обратились за суждением к церквям Рима, Италии и всего Запада. Западные требуют, чтобы вопрос о церковном общении был вынесен для общего приговора, и предлагают провести вселенский собор в Риме, одновременно предлагая и альтернативу - вернуть ранее назначенных епископов на свои посты, имея в виду Павлина и Максима. В це-

лом письмо выражает полную оппозицию Запада Константинопольскому собору и его решениям, а также явную претензию Запада на приоритет над Востоком в церковных делах.

Однако Феодосий никоим образом не посчитал себя обязанным идти на поводу у западных епископов. Подчиненное положение восточных церквей западным означало в то время в известной мере и политическое подчинение Востока Западу, если учесть ту роль, какую стала играть христианская церковь в римском мире к концу IV в. Феодосий справедливо рассудил, что, возвышая и укрепляя церковь в своей половине империи, он тем самым укрепляет и свое собственное политическое положение. Ответ восточного императора западным епископам не сохранился, но о нем можно судить по следующему письму западных иерархов к Феодосию. Тон этого письма не оставляет никаких сомнений в том, что император в очень резкой форме пытался поставить западных епископов на место, призывал их заниматься своими делами и упрекал за «легкое отношение» в общении с Востоком.

В ответе Феодосию западные снова возвращаются к тем же вопросам, но тон их письма уже совершенно иной - они стараются оправдаться и реабилитировать свою позицию. Западные осторожно не называют имена восточных епископов и выражают сожаление, что их обвиняют в пренебрежении дружбой с восточными. В письме западные обходят вопрос о назначении упоминаемых в предыдущем письме лиц и после объяснения своей просьбы созвать собор и уверений в том, что данное послание имеет целью завоевать благосклонность императора, стараются убедить Феодосия в том, что они не вносили предварительного решения вопроса и что они не считают себя достойными порицания (Ambrosius. Ep. 14). Несмотря на общий «извинительный» тон письма и «должное почтение» к власти Феодосия, западные по-прежнему остаются на своих позициях, хотя на этот раз соглашаются изменить место проведения вселенского собора, исходя из соображений безопасности.

Но как бы ни старались западные епископы продемонстрировать свое рвение за церковный мир, их амбиции оказались выше этого. Тем не менее, в этом церковном деле они старались действовать политическими методами, непосредственно через императора, а не через церковные структуры. Однако ставка на Феодосия оказалась неудачной. Взаимоотношения церкви и государства на Востоке складывались совершенно иначе, чем на Западе, да и Феодосий оказался достаточно проницательным, чтобы понять, что кроется за «рвением» западных за мир в церкви.

Ответа Феодосия на письмо, видимо, не последовало. Император оставил это дело восточным епископам, которые летом 382 г. снова собрались в Константинополе на собор с целью дать ответ западным, как сообщает Феодорит (Theodoret. Hist. Eccl. V, 8), сохранивший письмо этого собора Дамасу, Амв-

росию, Асхолию и другим епископам Запада. В этом письме восточные епископы говорят о невозможности своей поездки на Римский собор, объясняя это тем, что они не могут оставить только что начавшие обновляться церкви. Вместе с тем собор направил в Рим трех своих делегатов и, говорится в письме, через них объявил о своих миролюбивых намерениях и ревности в вере.

Тем же летом 382 г. состоялся собор западных в Риме. Ходом собора формально руководил римский епископ Дамас, но главную роль на нем играл Амвросий Медиоланский, который явился автором основных документов собора. Вопреки решению и письму восточных Римский собор не изменил прежней позиции Запада. В противовес 3-му канону Константинопольского собора 381 г., определявшему Константинополю второе место в церковном мире после Рима, Дамас провозгласил, что Римская церковь не зависит от решений этого восточного собора и что второе место Рим предоставляет Александрии, а Антиохии - третье.

Спустя 10 лет западные иерархи попытались вовлечь в свою политику египетскую церковь, но и эта слабая попытка не имела успеха. В спор снова был вынужден вмешаться Феодосий, который убедил западных епископов уничтожить вражду. Но примирение состоялось лишь тогда, когда во главе римской церкви был папа Иннокентий (401-417).

Таким образом, борьба между восточными и западными церквями велась в конце IV в. в основном политическими методами, и в орбиту этой борьбы оказалась втянутой императорская власть. Эта борьба была своеобразным отражением трудностей христианизации, связанных с формированием церковной иерархии и процесса огосударствления церкви, нуждавшейся в единстве. В этой борьбе совершенно не затрагивались догматические вопросы, она велась в рамках ортодоксального христианства, и целью ее было достижение приоритета в церковном мире. Но уже тогда стала очевидной невозможность создания единого церковного организма в условиях усиливающегося политического раскола Римской империи, что было одним из важных показателей усиливающегося слияния христианских и государственных структур.

Семена раздора, посеянные в IV в., упали на благодатную почву и дали обильные всходы. Претензии на приоритет в церковных делах и со стороны Рима, и со стороны Константинополя оказались достаточно сильными. Каждое новое перемирие между церквями Востока и Запада так и оставалось только перемирием. Политические события раннего средневековья неуклонно вели христианство к расколу, неизбежность которого явственно ощущалась во время религиозно-политических демаршей конца IV в.